

Содержание

Пролог. СОШЕСТВИЕ В АД	3
------------------------------	---

БЫЛОЕ ИАКОВА

Раздел первый. У КОЛОДЦА

Иштар.	55
Слава и действительность	57
Отец	63
Некто Иевше.	67
Доносчик	75
Имя	86
О дурацкой земле Египетской.	93
Испытание.	100
О масле, о вине и о смокве	105
Двуголосная песнь.	112

Раздел второй. ИАКОВ И ИСАВ

Лунная грамматика	119
Кто был Иаков	121
Елифаз	131
Вознесение главы.	139
Исав	144

Раздел Третий. ИСТОРИЯ ДИНЫ

Девочка	152
Бесет	154
Отповедь	157
Договор	161
Иаков живет у Шекема.	164
Сбор винограда	167
Условие	171
Похищение	175
Подражание	179
Побоище	182

Раздел четвертый. БЕГСТВО

Древнее бляенье	187
Красный	190
О слепоте Ицхака	197
Великая потеха	204
Иаков должен уехать	218
Иаков должен плакать	221
Иаков прибывает к Лавану	228
Персть земная	237
Ужин	241
Иаков и Лаван заключают соглашение	246

Раздел пятый. НА СЛУЖБЕ У ЛАВАНА

Как долго пробыл Иаков у Лавана	251
Иаков и Лаван скрепляют договор	255
О видах Иакова	258
Находка Иакова	262
Иаков сватается к Рахили	268
О долгом времени ожидания	272
О Лавановой прибыли	283

Раздел шестой. СЕСТРЫ

Нечистый	294
Свадьба Иакова	302
О ревности бога	326
О смятении Рахили	332
Мандрагоровые яблоки	335

Раздел седьмой. РАХИЛЬ

Гадание на масле	346
Роды	357
Крапчатый скот	362
Воровство	371
Погоня	377
Бенони	390

ЮНЫЙ ИОСИФ

Раздел первый. ТОТ

О красоте	407
Пастух	410
Ученье	413
О теле и духе	424

Раздел второй. АВРААМ

О старшем рабе.	435
Как Авраам открыл бога.	441
Господин посланца	452

Раздел третий. ИОСИФ И ВЕНИАМИН

Роша Адониса.	457
Небесный сон.	477

Раздел четвертый. СНОВИДЕЦ

Разноцветная одежда.	488
Быстроногий.	502
Об испуге Рувима.	511
Снопы	522
Совещание.	533
Солнце, луна и звезды	537

Раздел пятый. ПОЕЗДКА К БРАТЬЯМ

Предъявление требования	545
Иосиф едет в Шекем.	552
Человек в поле	558
О Ламехе и его рубце.	571
Иосифа бросают в колодез	578
Иосиф кричит из ямы.	591
В пещере	598

Раздел шестой. КАМЕНЬ ПЕРЕД ПЕЩЕРОЙ

Измаильтяне	611
О замысле Рувима	620
Продажа.	624
Рувим приходит к пещере	642
Клятва	651

Раздел седьмой. РАСТЕРЗАННЫЙ

Иаков скорбит об Иосифе	658
Искушенья Иакова	676
Привыкание	684

ИОСИФ В ЕГИПТЕ

Раздел первый. ПУТЬ ВНИЗ

О молчании мертвых.	695
У господина.	700

Ночной разговор	711
Соблазн	727
Встреча	732
Крепость Зел.	742

Раздел второй. ВСТУПЛЕНИЕ В ШЕОЛ

Иосиф видит землю Госен и прибывает в Пер-Сопд	755
Кошачий город.	761
Ученый Он	764
Иосиф у пирамид.	774
Жилище закутанного	783

Раздел третий. ПРИБЫТИЕ

По реке.	800
Иосиф проходит по Уазе	809
Иосиф прибывает к дому Петепра	820
Карлики	825
Монт-кау	832
Потифар.	849
Иосифа опять продают, и он падает ниц	854

Раздел четвертый. САМЫЙ ВЫСОКИЙ

Сколько времени прожил Иосиф у Потифара	862
В стране внуков	870
Царедворец	883
Поручение	893
Гуйи и Туий	900
Иосиф размышляет об этих делах	923
Иосиф говорит перед Потифаром	928
Иосиф заключает союз.	950

Пролог

СОШЕСТВИЕ В АД

1

Прошлое — это колодец глубины несказанной. Не вернее ли будет назвать его просто бездонным?

Так будет вернее даже в том случае и, может быть, как раз в том случае, если речь идет о прошлом всего только человека, о том загадочном бытии, в которое входит и наша собственная, полная естественных радостей и сверхъестественных горестей жизнь, о бытии, тайна которого, являясь, что вполне понятно, альфой и омегой всех наших речей и вопросов, делает нашу речь такой пылкой и сбивчивой, а наши вопросы такими настойчивыми. Ведь чем глубже тут копнешь, чем дальше проберешься, чем ниже опустишься в преисподнюю прошлого, тем больше убеждаешься, что первоосновы рода человеческого, его истории, его цивилизации совершенно недостижимы, что они снова и снова уходят от нашего лота в бездонную даль, в какие бы головокружительные глубины времени мы ни погружали его. Да, именно «снова и снова»; ибо то, что не поддается исследованию, словно бы подтрунивает над нашей исследовательской неумностью, призывая нас к мнимым рубежам и вехам, за которыми, как только до них доберешься, сразу же открываются новые дали прошлого. Вот так же порой не можешь остановиться, шагая по берегу моря, потому что за каждой песчаной косой, к которой ты держал путь, тебя влекут к себе новые далекие мысы.

4 Поэтому практически начало истории той или иной людской совокупности, народности или семьи единоверцев определяется условной отправной точкой, и хотя нам отлично известно, что глубины колодца так не измерить, наши воспоминания останавливаются на подобном первоисточке, довольствуясь какими-то определенными, национальными и личными, историческими пределами.

Юный Иосиф, к примеру, сын Иакова и миловидной, так рано ушедшей на Запад Рахили, Иосиф, что жил в ту пору, когда на вавилонском престоле сидел весьма любезный сердцу Бел-Мардука коссеянин Куригальзу, властелин четырех стран, царь Шумера и Аккада, правитель строгий и блестящий, носивший бороду, завитки которой были так искусно уложены, что походили на умело выстроенный отряд щитоносцев; а в Фивах, в преисподней, которую Иосиф привык называть «Мицраим» или еще «Кеме, Черная», на горизонте своего дворца, к восторгу ослепленных сынов пустыни, сиял его святейшество добрый бог, третий носитель имени «Амун-доволен», телесный сын Солнца; когда благодаря могуществу своих богов возрастал Ассур, а по большой приморской дороге, что вела от Газы к перевалам Кедровых гор, между двором фараона и дворами Двуречья, то и дело ходили царские караваны с дарами вежливости — лазуритом и чеканным золотом; когда в городах амореев, в Бет-Шане, Аялоне, Та'Анеке, Урусалиме служили Аштарти, когда в Сихеме и в Бет-Лахаме звучал семидневный плач о растерзанном Истинном Сыне, а в Гебале, городе Книги, молились Элу, не нуждавшемуся ни в храме, ни в обрядах; итак, Иосиф, что жил в округе Кенана, в земле, которая по-египетски называлась Верхнее Ретену, неподалеку от Хеврона, в отцовском стойбище, осененном теребинтами и вечнозелеными скальными дубами, этот общеизвестно приятный

юноша, унаследовавший, к слову сказать, приятность от матери, ибо та была прекрасна, как луна, когда она достигает полноты, и как звезда Иштар, когда она тихо плывет по ясному небу, но, кроме того, получивший от отца недюжинные умственные способности, благодаря которым он даже превзошел в известном смысле отца, — Иосиф, стало быть, в пятый и шестой раз называем мы это имя, и называем его с удовольствием: в имени есть что-то таинственное, и нам кажется, что, владея именем, мы приобретаем заклинательскую власть над самим этим мальчиком, канувшим ныне в глубины времени, но когда-то таким словоохотливым и живым, — так вот, для Иосифа, например, все на свете, то есть все, что касалось лично его, началось в южноавилонском городе Уру, который он на своем языке называл «Ур Кашдим», что значит «Ур Халдейский».

Оттуда в далеком прошлом — Иосиф не всегда мог толком сказать, как давно это было, — отправился в путь один пытливый и беспокойный искатель; взяв с собой жену, которую он из нежности, по-видимому, любил называть сестрою, а также других домочадцев, этот человек, по примеру божества Ура, Луны, пустился в странствия, поскольку такое решение показалось ему самым верным, наиболее сообразным с его неблагополучным, тревожным и, пожалуй, даже мучительным положением. Его уход, явившийся, несомненно, знаком недовольства и несогласия, был связан с некими строениями, запавшими ему в душу каким-то обидным образом, которые были, если не воздвигнуты, то, во всяком случае, обновлены и непомерно возвышены тогдашним царем и Нимродом тех мест, радевшим, как втайне был убежден прашур из Ура, не столько о вящей славе божественных светил, которым эти постройки были посвящены, сколько о том, чтобы воспрепятствовать рассеянию своих

6 подданных и вознести к небесам знаки своей двойной — Нимрода и властелина земного — власти, власти, из-под которой предок из Ура как раз и ушел, ибо рассеялся, пустившись вместе со своими близкими куда глаза глядят. Предания, дошедшие до Иосифа, не вполне сходились в вопросе о том, что именно вызвало гнев недовольного странника: громадный ли храм бога Сина, имя которого, звучавшее в названии страны Синеар, слышалось также в более привычных словах, например, в наименовании горы Синай; или, может быть, само капище Солнца, Эсагила, огромный Мардуков храм в Вавилоне, достигавший, по воле Нимрода, неба своей вершиной и хорошо известный Иосифу по устным описаниям. Этому искателю претило, конечно, и многое другое, начиная от нимродовского могущества вообще и кончая отдельными обычаями, которые другим представлялись священными и незыблемыми, а его душу все больше и больше наполняли сомнениями; а так как с душою, полной сомнений, не сидится на месте, то он и тронулся в путь.

Он прибыл в Харран, город Луны на Севере, город Дороги в земле Нахараин, где провел много лет и собирал души тех, кто вступал в близкое родство с его приверженцами. Однако родство это почти ничего, кроме беспокойства, не приносило, — беспокойства души, которое, хоть и выражалось в непоседливости тела, все-таки не имело ничего общего с обычным скитальческим легкомыслием и бродяжнической подвижностью, а было, скорее, изнурительной неутомимостью избранника, в чьей крови только-только завязывались дальнейшие судьбы, между подавляющей значительностью которых и снедавней его тревогой существовало, должно быть, какое-то точное и таинственное соответствие. Поэтому-то Харран, куда еще простиралась власть Нимрода, и в самом деле оказался все-

го только «городом Дороги», то есть местом промежуточной остановки, с которого этот подражатель Луны вскоре опять снялся, взяв с собой Сару, свою сестру во браке, и всех своих родных, и их и свое имущество, чтобы в качестве их вождя и махди продолжать свою хиджру к неведомой цели.

Так он пришел на Запад, к амореям, что населяли Кенану, где тогда правили сыны Хатти, пересек эту землю в несколько переходов и продвинулся далеко на юг, под другое Солнце, в Страну Ила, где вода бежит вспять, не так, как воды рек Нахарины, и где по течению плывешь на север; где косный от старости народ поклонялся своим мертвецам и где беспокойному урскому страннику нечего было искать или добиваться. Он вернулся на Запад, то есть в край, лежащий между Страной Ила и Нимродовым царством, и, поладив с тамошними жителями, обрел относительную оседлость на юге этого края, неподалеку от пустыни, в гористой местности, бедной пашнями, но зато богатой пастбищами для его коз и овец.

Предание утверждает, будто его бог, бог, над чьим образом трудился его дух, высочайший среди богов, на безраздельное служение которому подвигали его любовь и гордость, бог вечности, которому он никак не находил достойного имени, а потому соотнес с ним множественное число и называл его на пробу Элохим, то есть божество, — предание утверждает, будто Элохим дал ему некие далеко идущие, но вместе с тем и вполне определенные обещания, в том смысле, что он, странник из Ура, должен был стать народом, многочисленным, как песок и звезды, и благословением всем народам, а земля, где покамест он жил чужестранцем и куда привел его из Халдеи Элохим, должна была целиком и навеки перейти в его и его потомков владение, причем бог богов поименно перечислил нынешних владельцев этой земли, народы,

8 «врата» которых должны были принадлежать потомкам человека из Ура, то есть которым бог, заботясь об урском страннике и его семени, назначил рабство самым недвусмысленным образом. Эти сведения нужно принять с осторожностью или, во всяком случае, правильно понять. Перед нами позднейшие нарочитые вставки, и задача их — узаконить политические отношения, сложившиеся только благодаря войне, ссылкой на давнишний замысел бога. В действительности нрав этого лунного странника был совсем не таков, чтобы от кого-либо получать или у кого-либо вымогать политические обещания. Нет никаких доказательств, что, покидая родину, он уже заранее облюбовал для себя страну амурреев; а то, что он в виде опыта посетил также страну могил и курносой девы-львицы, говорит, скорее, как раз о противном. И если сперва он покинул могучее государство Нимрода, а потом поспешил уйти из многославного царства двухвенцового владыки оазисов и вернулся оттуда на Запад, то есть в страну, обреченную из-за своей раздробленной государственности на политическое убожество, то это отнюдь не свидетельствует о его пристрастии к имперскому величию и о его склонности к политическим прозрениям. Силой, заставившей его сняться с места, была тревога духовная, забота о боге, и если он сподоблялся каких-то обетований, в чем сомневаться непозволительно, то относились они к распространению того нового и особого восприятия бога, которому он с самого начала и старался приобрести сторонников и радетелей. Он страдал и, сопоставляя меру своего внутреннего беспокойства с мерой его у огромного большинства людей, заключал, что его страдания служат будущему. Не напрасна, говорил ему новооткрытый бог, твоя мука, твоя тревога. Она оплодотворит множество душ, родит себе столько приверженцев, сколько песка на дне мор-

ском, и повлечет за собой великое множество 9
событий, зародыш которых в ней заключен, —
одним словом, ты будешь благословением. Благосло-
вением? Вряд ли это слово верно передает смысл того,
что предстало ему в видении и что соответствовало
его душевному складу, его ощущению самого себя.
В слове «благословение» есть та оценка, которая не
подходит для деятельности таких натур, как он, людей
внутренне беспокойных и непоседливых, чьи новые
представления о боге призваны определить будущее.
Жизнь тех, с кого начинается та или иная история,
очень и очень редко бывает чистым и несомненным
«благословением», и совсем не это нашептывает им их
самолюбие. «И будешь судьбою» — вот более четкий
и более верный перевод слова обета, на каком бы язы-
ке оно ни было сказано; а уж означает ли эта судьба
благословение или нет, это вопрос другой, вопрос,
второстепенность которого явствует из того, что на
него всегда и без всяких исключений можно ответить
по-разному, хотя на него отвечали, конечно, утверди-
тельно члены той возраставшей физически и духовно
семьи, которая признавала бога, выведшего из Халдеи
урского странника, истинным Баалом и Адду круго-
ворота, семьи, образование которой Иосиф считал
началом своей собственной, духовной и физической
жизни.

2

Иногда он даже считал лунного странника своим
прадедом, что, однако, решительно выходит за пре-
делы возможного. Да он и сам отлично знал из вся-
ческих наставлений, что все это дела более давние.
Не такие, однако, давние, чтобы тот владыка земной,
чьи пограничные, со знаками зодиака столпы оставил
позади себя странник из Ура, был и в самом деле Ним-